

«НЕ ТО»

Александра Поздеева

18+

Александра Андреевна Поздеева

Не то

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67780895

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ "НЕ ТО" – второй по счету рассказ, выпущенный молодым автором, раскрывает вопрос о божественном свете, который так легко потерять, если поддаться дьявольским силкам человеческого потребления.

Содержание

1.	6
2.	9
3.	12
4.	14
5.	16
6.	19
7.	21
8.	25

Александра Поздеева

Не то

Сидел я на Воробьевых горах вечером одного из первых дней лета. В тени сирени, сладко-горький запах которой смешивался с свежестью от Москвы реки, есть мое укромное место. Оно укромно лишь потому, что я его так охарактеризовал. По факту же сотни людей проходили мимо этого моего укромного места и садились, даже не подозревая живописности места. Они говорили по телефону, ели наспех приготовленную еду с льющимся соусом на ботинки и жадно вдыхали летний запах, так редко посещающий столицу. Живописность места я тоже могу описать, но сразу прошу читателя оценить скверность моего словаря великого русского языка. Завидую я в этом плане Толстому, Достоевскому, Гоголю... Всем, кто может хоть капельку передать словом необъятную русскую натуру.

Справа от меня были кусты зелени, высеченные ровно по линейке; каждый лист был живой и в форме, создавая некий квадрат. Листья эти сообща в тот вечер шумели как-то тихо, словно не пытаясь помешать полету мысли по исторической цепочке жизни моей. Рядом росла сирень в три куста. Ветви ее склонялись ниже к земле под весом цветков, а запах передавался мимолетом, по легкому дуновению, сообща со всей природой. Передо мной из места раскидывалась Москва-Ре-

ка. Воды ее пытались выйти за пределы бетонных баррикад каждый раз, когда по ней проплывала очередная лодка с туристами.

Я смотрел на воду держа в руках блокнот и ручку, только что протекшую сквозь мои штаны. Однако этот прецедент не имеет значения; имеет значение лишь то, что оставлено этой ручкой на страницах моего блокнота-дневника, который я вел с детства.

Что ж... Сейчас, когда я вставил это лирическое отступление читателю будет проще сопоставить меня с литератором, пусть и немного посредственным. Прошу читателя пройти за мной по обломкам моей жизни. В конце концов, не просто так ведь вы решили взять в руки эту книжечку.

1.

«Родился я в небольшом городе, где жили самые обычные люди. Они работали, растили детей, наслаждались звенящей тишиной и чистой природой. Дом наш находился в упадке, но мать моя любила красоту во всем. Чистые скатерти местного пошива, фарфоровые блюда с цветником и выглаженная одежда по стрелке – были обязательной атрибутикой будней. «Человек должен видеть красивое и в рутине. Я не хочу годами ждать подходящего момента, чтобы выставить сервис на стол. Этот момент никогда не наступит», – говорила она. И правильно делала, скажу я читателю!

Упадок дома отразился на моем мировосприятии. Я хотел все и сразу: стать большим человеком в обществе, влиять на судьбы и мысли людей, «грести деньги лопатой», как принято говорить у нас в России. Хотел я удовольствия, прожигания жизни и девушек! Оглядываясь назад я думаю, что же мне все-таки было нужно ИСКРЕННЕ? И смело могу сказать: «не знаю».

Для этих обширных целей после школы поехал я в Москву. Она завораживала меня своим масштабом, богатством и движением. Мать моя осталась далеко за тысячи километров и переписывались мы с ней раз в несколько дней. Она меня любила до беспамятства, любила так называемой «эгоистичной любовью». Я был «ее» и моя сепарация была для нее бо-

лезненной. Тем не менее я вырос таким же эгоистом и уехал в Москву. Поступил в университет и встречал по пути к нему людей интересных: лирических поэтов, серьезных финансистов с цифрами в голове и красивых женщин. Все они были для меня тем, к чему я стремился. Деньги, драма и секс – вот, что двигало мной тогда.

Для знакомства с ними я употреблял разные формы хитростей, но основной была выпивка. Чего только стоит философствование под рюмкой горячительного? А красавица, что под алкоголем изящно танцует среди чужаков? Это была хитрость, которую любили все. В том числе и я.

Начал я свое нравственное падение через месяц пребывания в городе; ровно с бара. Заприметив красотку я разбудил свой инстинкт и решил тогда во что бы то ни стало сделать так, чтобы она уехала со мной. Инстинкт мой двигал мной в тот момент, читатель! Это был не я! А впрочем... все равно мерзавец. Проявлял я его в самой безнравственной форме: покупал ей выпивку, осыпал комплиментами и жадно впибался глазами в ее красоту. Она замечала это и делала «па», кокетливо отбрасывая волосы назад. Через какое-то время она сдалась моим речам и мы уехали в сторону моего дома. Ночь прошла страстно, с отдушкой на утро. Утром же я увидел рядом с собой не ту пленящую голову красоту, а после ее вопроса: «Позвоню ли я ей?», – равнодушно ответил: «Да», – и закрыл перед ее сияющим надеждой лицом дверь. Молодые девушки особенно подвержены нравствен-

ному бесчестию мужчин, ибо их матери постоянно нивелируют любовь и комплиментики. В сущности же, любовь не комплиментами измеряется, но мало об этом говорят красивым молодым девушкам.

Чувство мерзости от себя в те молодые мои годы чуть прорезалось сквозь душу; резко мне стало тесно от своего тела, хотелось спрятать лицо и свои бесчестные глаза, но через 5 минут я забыл об этой девушке предварительно успокоив себя: «Она сама знала, на что шла».

Так и жил я в кутеже: выпивал рюмки с красавицами, выпорхнувшими из под отеческого крыла, всю ночь был с ними в близком знакомстве и разврате, а на утро забывал их лица.

2.

Продолжалась такая жизнь до определенного времени. В 30 лет я решил окончательно, что с кутежем пора кончать. Мерцание огней, так лихо кружащих голову и девушки рядом – все это резко стало противно. И читатель может сейчас подумать, что я образумился, встал на истинный свой путь, но это «противостояние» было таким притворным, будто я сам себя убеждал в том, что НЕ ЖЕЛАЮ ПОТРЕБЛЯТЬ ИСТОЧНИКИ НАСЛАЖДЕНИЯ. Так вот, я скажу, что это неправда! В 30 лет я решил, что готов к семье. Какова только самонадеянность в наличии ответственности в моей натуре? Ведь в действительности не готов я был ни к семье, ни к обязательствам, ни к совместной жизни с кем-либо, кроме своего эго.

Решил я жениться на девушке благородной, не из того мира, что я. И опять – мерзавец! Стоило бы мне искать девушку в другой стези, в своей. Но «что прошло – не вернуть никогда», а потому, жена моя оказалась самой простой. Познакомились мы с ней как мне казалось при «судьбоносных» обстоятельствах. Она была с подругами в одном из ресторанов города, но весьма выделялась среди них чувством такта, скромностью и обаянием, летящим за соседние столики. Она улыбалась, сверкала своими глазами и изредка пренебрежительно вскидывала на меня взгляд. Я упорно ждал ее выхода

из ресторана и случайно столкнулся с ней. Через 2 минуты уговоров я записал ее имя с номером на салфетке. Вы скажете: «Ну и где же тут судьбоносные обстоятельства?», – однако мне казалось, что все произошло так, как должно было.

Мы виделись с ней все чаще с самой первой встречи: гуляли по паркам, пили кофе и выпивали до дна наше благоденствие конфетно-букетного периода. Она – мило улыбалась мне и очаровывала своей улыбкой, а я – утопал с головой в ее красоте и духовной чистоты. Вообще, по прохождению лет я считаю, что не нужно этого периода влюбленности. Нужно сразу с головой в быт, чтобы прочувствовать человека, но в обществе нашем это не принято.

На одном из свиданий я окончательно решил, что она должна полностью стать «моей». Моей плотью и кровью, все, что было в ней должно было принадлежать мне. Незамедлительно принял решение я сделать предложение без романтики, без приличий и выпалил:

– Стань моей женой! Нам так хорошо вдвоем!

Она смутилась подобной выходке, но видимо все сладости, что проходили в нашей жизни, затуманили ей угол обзора. Она сказала «да». Мы яростно впились друг другу в губы. Помню еще, что тот вечер был завершен копченым мясом на углях и красным вином, атрибутом Иисуса. Даже сейчас чувствую это виноградное послевкусие во рту...

Далее были все эти утомляющие тело приготовления к свадьбе: отбор платья и фрака для церемонии, приглачитель-

ные для родственников, кто с кем должен сидеть и как убраться квартиру для медового месяца с дальнейшей нашей совместной жизнью. Скатерти, постельное белье, посуда с вензелями – все, что есть обыкновенного в любой из праздничных сует в каждой новой ячейке общества.

Свадьба была камерная, «для своих». Я хоть и любитель общества, но я не хотел, чтобы непорочную красоту жены моей видел хоть кто-то кроме меня. Я страшно ревновал ее даже не к матери, а к одной только мысли, к одному только восхищенному взгляду в ее сторону и как ястреб наблюдал за «моей» душой.

Такие мысли были на моей первой свадьбе, читатель. С такими мыслями я вступил в свой первый и последний брак.

3.

Я считаю, что нужно придерживаться целомудрия до свадьбы. Считаю я так потому что женщина должна хранить себя для одного единственного, во имя избегания болезней тела и души. Христос говорил нам не о плотской любви, а о любви платонической, душевной. Здесь важно сказать, конечно, что мне говорили не раз, будто я должен трезво смотреть на страницы книги, написанной юристами и переделанной под управление государством, но вопрос любви вряд ли в компетенции государственных чиновников.

Я чувствовал ее душу. Ее душа была мне родственной или той, про которую говорят: «пазл сошелся». Мы говорили часами, смеялись, страстно впивались друг другу в губы и возбуждались от этого, но я грезил о том, что она полностью станет моей именно после церемонии. Читатель скажет, что это более походит на устои Средневековые, что не хватает еще весов для взвешивания ведьм, но я правда хотел обустроить, внешне приобщиться к сакральному, заключенному на небесах. И исполнил свое желание!

После свадьбы мы вошли в наш дом. В коридоре стоял отчетливый запах бергамота и жасмина, он попадал в ноздри, раскрываясь глубоким нюансом пьянящим голову. Я посмотрел на ее тело «кровь с молоком» и поцеловал ее в ухо. Мы начали проявлять друг к другу различного рода нежно-

сти, руки рефлекторно трогали самые привлекательные наши части тела и расстегивали пуговицы на наших платьях. Последнее белье с нас спало и мы перешли в спальню. Аккуратно я положил свою женщину на кровать и встал в предвкушении: что же будет дальше? Она посмотрела на меня и притянула к себе...

...

Через 10 минут мы лежали рядом держась за руки и смотрели в потолок. Она тогда имела то глупо-веселое выражение лица, с каким женщины благодарят мужчин за плоть. Я уверен в том, что она врала этим лицом, притупляя мою мужскую уязвимость в этом вопросе. Что до меня? Я чувствовал странное покалывание в боку, отдышку, пот на своем теле, но не чувствовал самого главного. Наслаждения. Она ушла в душ, я взял пустой блокнот и написал:

«Не то».

Я на свои года «перепробовал» много женщин и моя женщина, моя жена – оказалась «не тем» в биологических моих потребностях в первую же ночь...

4.

У меня есть объяснение, теория, почему так получилось. Дело в том, что я с самого начала любил ее больше платонически. С самого начала была она для меня полубогом, которому нужно поклоняться. Я не мог опуститься до того состояния, в котором бы желал ее иначе. Однако мне пришлось врать, исполняя супружеский долг, и мучаться от этого вранья, беспомощности, отсутствия наслаждения, и голосов в голове.

Через несколько лет мучений начали у нас появляться дети, один за другим. Их было трое: Вася, Маша и Сашенька. Под влиянием детей изменилась не только моя жизнь, но и моя женщина.

От своей самой главной функции – деторождения, она начала полнеть, становилась более раздражительной, даже немного скучной. Раньше мы говорили о живописи, о политике, о новом магазинчике на Арбате, а теперь: «Вася заболел, я не спала всю ночь из-за Сашеньки, а Маша сегодня совершила самую пренастоящую глупость!». Она как всякая женщина любила своих детей до беспамятства и готова была лечь в землю, лишь бы ее «дитятки» жили свой век.

Изменился и ее запах. Она теперь пахла не девичьим запахом, а запахом женским, молочным, естественным. С одной стороны мне это нравилось, а с другой – пугало еще больше.

Мне кажется, что она замечала мои настроения и старалась как можно реже кормить детей при мне. Свинья я! Только о себе и думаю.

Что касается подруг ее, то они были отодвинуты мною на второй план в самом начале нашего жития. Либералы воскликнут:

– Это посягательство на личное пространство!

А я же уверен в том, что про нее бы забыли, она бы страдала от непонимания этих душонок, а потому не считаю, что совершил я дерзкий поступок и посягнул на ее личность. Мы были только вдвоем, мы были тем, что называется «единое целое», мы были счастливы, просто с многозначительным «НО».

Вообще удивительно, как за какой-то короткий срок человек может так измениться. Прошло только два года на тот момент, а жизнь координально была перевернута с ног на голову. В перевороте поучаствовала и моя душа. Я почувствовал, увидел, как моя женщина стала для меня не просто полубогом, а самым настоящим божественным светом! Она стала Богом, Девой Марией, образом для поклонения и бесповоротной преградой к наслаждению ею.

5.

Я не знал, что мне делать. Однажды я сидел в одном из кафе города, продумывая по кругу свои мысли о наслаждении, о женщинах и о моем личном Боге. В тот день жена моя снова была погружена в детей, я же – работал, чтобы трудом своим искоренить тягу к желанию. Иногда тяга при-туплялась, но почти всегда сводила меня с ума. Тут в кафе зашла девушка. На вид ей было не больше 20 лет. Молодая, красивая, беспечная и открытая. Она улыбалась всем людям вокруг и сознавала то, что ей любят. На ней было легкое платье светло-лимонного цвета, короткие волосы ее беспорядочно лежали, будто она только что встала с кровати и прибежала на обед.

В тот момент внутри меня боролись две стихии: стихия отречения от всего окружающего и стихия порока, накатывающего с каждым разом все сильнее, вгоняя меня в холодный пот по горячему телу. Я вытерся салфеткой каплю текущую по виску, вздохнул глубоко и продолжил дальше копаться в своей еде мимолетом рассматривая вошедшую девицу. Один мой взгляд пересекся ее и она мне улыбнулась детской улыбкой очарования. Рассудок помутился снова и как цунами стихия порока накрыла мою душу. Тогда я окончательно погиб. Проклятое платье, голые коленки! Проклятое все! Если бы не ЭТО, то не сидел бы я сейчас в сво-

ем укромном месте и не пускал слезу о моем падении нравственном.

Я подошел тогда к ней, мы познакомились. Я – шутил, она – смеялась и колола каждым своим словом в мою сторону. Она издевалась надо мной; женатым и серьезным мужчиной, она плевала на меня и это мне нравилось. Всю ночь тогда я не мог выкинуть ее из головы, душа моя поникла и воскресла одновременно. Утром же я проснулся с тяжелыми веками и после обыкновенного завтрака, заготовленного заранее, поцелуев от всех моих детей и жены – я отправился в то же самое кафе. Выглядывал ее три часа, не мог работать и страстно желал ее! Наконец, я увидел знакомую прическу, но на этот раз платье было розовым и чуть длиннее. Я спрята- л глаза, чтобы сделать вид, что никаким образом не ожидал ее увидеть. И даже удивился своей актерской игре при ее визите за мой столик. Она же – скорее всего этого усилия даже не заметила.

Мы начали видеться каждый день. Она была моим наркотиком, моим морфином, в котором я утопал ежедневно. Мне было стыдно и больно временами, когда я задумывался о дальнейшей судьбе моей семьи, о том, как будет больно детям и моей женщине, но принимал дозу наслаждения телом молодой своей любовницы и мне становилось лучше. Приходил вечерами домой в веселом расположении духа, заглаживал свою скрытую вину подарками и вниманием ко всему семейству. Словом, жизнь наконец начала играть красками.

Так я жил пол года, пока в один день по приходу в место «насыщения» любовница моя с серьезным видом не сказала мне:

– Подожди со своими руками! Я хочу тебе кое-что сказать... Дорогой, я – беременна! Ты рад?

Желание мое в тот момент резко оборвалось, руки упали вниз. Я покраснел, разозлился на нее и ушел, захлопнув за собою дверь. Она, наверное, начала плакать. Может быть и не начала. Не знаю. Сев тогда в машину я рвал на себе волосы и решил окончательно: «Нужно закончить это во что бы то ни стало! Идиот! Ты перешел грань!».

Читатель, пойми меня, желание мое было иным и не рассматривало оно ни в какой перспективе многоженство. Чтобы забыться я напился в тот же вечер. Познакомился с какой-то темненькой девушкой в баре, пригласил ее в комнату для свиданий и выпустив пар уехал домой. На утро, как обычно, не помнил я лица и страдал от головной боли. Жена бегала вокруг меня, давала анальгин и гладила меня по волосам, думая, что исцеляет меня. А я же был болен уже давно; хворь вранья очернило мне сердце. Единственное, что освещало эту скверную жизнь – это она, сидящая рядом и ослепляющая мои глаза.

6.

Когда я пришел в себя, то собрал все свои силы в кулак и поехал на квартиру любовницы, чтобы решить вопрос с деторождением. Точнее с тем, чтобы этого ни в коем случае не произошло.

Зайдя в комнату она посмотрела на меня и поздоровалась. Я сказал:

– Я пришел к тебе что бы решить произошедшее недоразумение. Послушай, у меня есть основная семья и я считал, что наш роман будет увлечением, легким сладострастием, а не второй семьей. У нас два варианта: либо ты отказываешься от ребенка и мы продолжаем нашу связь дальше, либо разрываем ее окончательно.

Любовница вскинула на меня глаза, в которых читался отблеск ненависти. Она сказала:

– Как ты можешь отказываться от своего ребенка и называть его «недоразумением»? Как можешь ты мне говорить о том чтобы я отказалась от него?!

– Я просто не могу иначе! У меня уже есть семья и второй мне не нужно! И вообще, откуда мне знать, что это – мой ребенок? Ты быть может нагуляла его, а мне воспитывать? Ну уж нет.

– Ах вот как! Мерзавец! Подлец! Посмотри на себя! Ты – больной мразматик, который пьет и сношается со всем, что

движется! Одержимый своими фантазиями о наслаждении! Ты думаешь я не знаю об этом? Ха-ха!

– Заткнись и не смей оскорблять меня!, – прокричал я, размахнулся и ударил ее по щеке.

Она схватилась за щеку, вспыхнула и сквозь зубы сказала.

– Убирайся отсюда! Пошел вон!

Я вышел от нее с желанием сделать что-то противоестественное, выпустить пар. Решение пришло само собой: «нужно поехать в бордель». Приехав в какое-то темно-красное помещение с ставнями я выбирал себе девушек одну за другой. Кипели во мне тогда все мои чувства и эмоции, а девушки удовлетворяли каждую из них и более того, давали насладиться процессом. Тогда не подумал я, что стал нимфоманом и выйдя из борделя после 5-ти часов пребывания – «пустым» отправился домой. Приехав к себе домой я заметил, что в окнах был выключен свет, дом снаружи пустовал. Вставив ключ в замок я провернул его три раза и оказался в темной прихожей. Дома была тишина. Только гудел холодильник в кухне. Я был один.

7.

Странное было ощущение у меня тогда. Не было ни записок, ни людей, ни звонков – ничего. Тревога пожирала меня изнутри, я не мог уснуть и боялся. Боялся расплаты от моего «солнца», что безжалостно покарает меня на Страшном суде. Я звонил ее подругам, сестре, родителям – тишина. Мне не ответил никто, кто бы мог знать где она и мои дети. Более того, мучился я и от жажды нового впечатления. Стал агрессивен и вызвал проституток в наш дом. Противно было мне от самого себя, но этот зуд наслаждения не давал мне покоя, а мысли блуждали в полярных измерениях.

Через 2 дня она приехала одна, я шустро вбежал в прихожую и начал кричать:

– Где ты была? У любовника? Где наши дети? Ты понимаешь, что я переживал?

– Мы в безопасности, – ответила она. – Я пришла сказать, что мне звонила твоя любовница, которую ты пытался скрыть. Она рассказала мне все то, что ты не говорил мне, видимо надеясь на разрыв. И поверь, я бы с удовольствием забыла эту оплошность, примирилась бы с ней... Однако я прочитала твой дневник после этого звонка, прочла твои мысли, твои страхи и желания. Прочла все и поняла, что ничем не смогу тебе помочь. Ты потерялся в своих наслаждениях, а помогать тебе найти дорогу – я не хочу, ибо ты сам

не хочешь того же.

К моему горлу подступила острая боль, скребшая наждачным ножом гортань. Ненадолго потерявшись я спросил совершенно не к месту:

– Ты ушла одна? Или к кому-то?

– Это уже тебя не касается.

Жена ушла наверх собирать вещи свои и детей, а я сполз вдоль стены, слушая раскрытие замков на сумках. В голове тогда представлялись чужие руки, обнимающие ее стан, целующие ее губы. Я взбесился. Она должна была быть ТОЛЬКО МОЕЙ. Я решил остановить ее. Сначала умолял остаться и клялся в любви, потом бегал за ней и говорил непристойности, потом снова молил о прощении и в конце концов не выдержав эмоций выпалил:

– Ты и никогда не нужна была мне! Посмотри на себя! Дети, лишний вес и нравственное падение! Не ответить про любовника значит согласиться с его существованием! Твой свет погаснет во мраке, если ты уйдешь от меня и более того, ты останешься несчастной старой девой.

Зачем я тогда это сказал – не знаю. Я ведь понимал, что это неправда и более того, знал, что она считает так же.

Жена ответила:

– Я нужна тебе потому, что ты решил сделать меня своим личным идиолом. Ты не созерцал меня, не радовался, а желал лишь одного обладания над моим телом и разумом. Отключил от мира, брезгал изменениями внутри и вне меня. Знал

ты или нет, что я человек и принадлежу только себе – это уже не имеет значения. Ты врал и потреблял все, что было во мне.

Я заплакал.

– Пожалуйста, прости меня! Я подарю тебе все, что хочешь, буду смиренным, только пожалуйста останься и привези детей назад!

– Мне не нужны подарки и смирение. Оно пройдет через неделю и снова начнется обман и несчастье. Что до меня? Я не хочу жить в несчастье и ждать подходящего момента для его проявления, и поэтому я прощаю и благодарю тебя за все, что ты сделал, но прошу перестать думать обо мне, ты меня никогда больше не увидишь. И детей вероятнее всего тоже. Мы переезжаем в другую страну сразу после развода. Мне очень жаль, что ты сделал такой выбор, но теперь ты в ответе за него.

– Постой!, – я пытался ухватить ее за руку с сумками, но она резко выдернула ее и ушла.

В тот момент, когда она вышла из дома я понял, в какую злую шутку сыграл мой демон. Он потушил мой свет, он разрушил его и мою семью. И чем же? Голыми коленками.

Бракоразводный процесс начался быстро. Сначала я взял акул адвокатского мира, с надеждой припугнуть мою женщину отъемом всего имущества в свою пользу. Планировал заключить ее в объятия и сказать: «Давай попробуем заново», но она была непоколебима. В конце концов она отсудила у

меня большую часть капитала, оставив мне небольшой уголок в Москве и уехала за границу. Детей я видел последний раз на суде, обнимал их мягкие тельца и плакал от их голосов. Я пребывал в апатии и надеялся, что восстановлю свое имя хотя бы в своих собственных глазах с помощью работы и нового своего капитала. Но и здесь не вышло.

После первого суда начался второй. Любовница моя, видимо подозревала мой отрицательный ответ и сделала тест на отцовство. Ее ребенок оказался моим, но воспитывать его я не хотел, да и не воспитание мое она хотела. Оставшиеся деньги от моего капитала я отдаю ей по сей день на содержание ребенка, которым она меня шантажирует при просрочке выплат».

8.

Прислушиваясь к шуму воды мой разум становился все мутнее, голова начинала болеть от этих воспоминаний. Я взял ручку и начал дописывать.

«Я остался без средств к существованию и пал еще ниже. Все чаще захожу я в бордели, ищу быстрого секса и не запоминаю своих приятельниц в пьяном угаре. Жизнь перестала иметь какой-то смысл после потери моего «солнца» и даже заболевание сифилисом от какой-то девки перестало меня тревожить.

Читатель скажет, что я сам виноват и я отвечу ему:

Да! Прожил свою жизнь зря! Так и не понял, что такое истинное счастье и тратил время на пустых людей, пустое наслаждение и базовые потребности! Однажды сказал: «не то» и стал блудным сыном. Гнал за одним только удовольствием и пришел к осознанию того, как пуста эта жизнь, полная внешнего изобилия, без родных людей наполняющих душу.

Читатель, который взял этот дневник! Пишу тебе сейчас и прошу передать этот дневник моей жене. Я хочу чтобы она поняла, кем она была и остается для меня до сих пор. Хочу, чтобы она увидела кем я стал без нее и что я по-прежнему не смог осознать что значит жить не употребляя людей».

Я положил ручку в блокнот, закрыл его и оставил на лавочке. Вдохнул с закрытыми глазами еще раз сладко-горький

запах сирени, смешавшейся с тьмой и свежестью. Сказал про себя:

– Прости меня, Господи!

И исчез.